

Пина-код

В Москве показали спектакль
заслуженной революционерки танца
Пины Бауш «Мойщик окон»

Последний раз так хорошо мне было в театре почти три года назад, когда «Снежное шоу» Славы Полунина впервые показали в Москве. Желтая точка — клоун в комбинезоне — металась по сцене и излучала осязаемые волны доброты. Желтый с тех пор для меня — цвет настоящего театра. Теперь к нему добавился красный.

...В спектакле Пины Бауш «Мойщик окон» сцена завалена красным, которым за вечер напиваешься, как хорошим вином. Алеющая гора лепестков роз, лилий, маков возвышается в углу сцены; с театральных небес, с колосников идет дождь из лепестков, то еле слышный, то усиливающийся до урагана.

Женщины в вечерних, очень красивых длинных платьях, с распушенными волосами, босые и на шпильках, танцевали эпизоды своей жизни. Мужчины в просторных рубашках и брюках сходили с ума о чем-то своем. Их движения казались такими простыми и сердечными, что можно было представить, что они танцуют на кухне у себя дома, адресуя кухонной утвари свою печаль и нежность, а на их месте — ты сам(а) после вечеринки. Абсолютно поверить в перевоплощение не давал магнит, притягивавший к двадцатому ряду партера переполненный тысячный зал.

Худая женщина в черном, с печальным и пристальным взглядом.

Пина Бауш. Основательница «Танцтеатр Вупперталь» — национального достояния Германии. Королева немецкого выразительного танца. Слепая принцесса из фильма Феллини «И корабль плывет» и муза Альмодовара. Наверное, показательно, что свой первый «неклассический» балет она поставила в 1968-м. За минувшие годы она не стала буржуазной, как многие ее ровесники (так, активисты парижской студенческой весны 1968-го — сегодня владельцы крупнейшей французской торговой сети FNAC).

Фрау Бауш выглядит аскетично: неброско одевается, очень застенчива, подтянута до худобы, живет в маленьком провинциальном Вуппертале («Потому что там нечего делать, кроме как работать»). 16 спектаклей в репертуаре, ежегодная премьера — каждый ли бывший шестидесятник, ныне шестидесятилетний — так строг к себе, так выскраданно нежен к окружающим? В этом, пожалуй, главное отличие поколения Пины от поколения Томаса Остермайера и Саша Вальц, завоевывающего сегодня театральную карту мира. У молодых — торжество прагматики, поэтика калькулятора.

Пина донесла до нас — спустя трид-

цать лет — лучшие мгновения цветочной революции. А также романтиков более ранних — Шиллера и Гете, тогда как продукция ее коллег скорее встает в один ряд с «Фольксвагеном» и туфлями «Саламандер».

В начале 70-х в американском городке Саратога-Спрингс Пина Бауш познакомилась с танцовщиком Домеником Мерси. В 1973-м в Вуппертальском театре освободилось место хореографа, и вот уже тридцать лет Доменик танцует у Пины. Это единственный человек, чьим мнением она бесконечно дорожит. В «Мойщике окон» у Доменика всего два соло — но их достаточно, чтобы разделить мнение Бауш.

Здесь вообще мало танца — впрочем, это постоянное замечание в адрес королевы. Много ассоциаций, музыки народов мира, от которой хочется то взлететь, то зарыться в землю, и танца, внезапно прорывающегося, как вода в гейзере («У нас нет солистов; вдруг на репетиции кто-то становится очень важным»), эстрадных номеров с песенками и заигрыванием с залом.

Специально к приезду в Москву труппа учила язык — все репризы подавались на хорошем русском. Чего стоит только декламирование стихов — ломаное, но чистое: «Хотела/ Обернуться снегом/ В середине августа, / И медленно/ По кромке таять.../ Хотела бы/ Себя при этом видеть...».

Мойщик окон появится дважды — в начале и в конце, сидя в покачивающейся лонже с ведром и тряпкой, он протрет мерцающую полиэтиленовую стену — «окно». А на самом деле — наши глаза, чтоб не туманились, распахнулись. Тем временем со сцены в зал выбрасывалось почти невыносимое количество красоты — танца, сценографии, лепестковых бурь (шептали:

«80 тысяч лепестков...»). Доброты, доброжелательности — этой почти исчезнувшей из современного театра энергии. Еды — толстячок-конферансье накормил и напоил чаем, вином, водкой, бутербродами, конфетами половину партера. Искренности — танцовщицы ходили по рядам и показывали свои детские фотографии; и они, и конферансье говорили только по-русски.

В театре бывает занимательно, поучительно, интересно, но от души хорошо бывает крайне редко. Актеры «Мойщика окон», всего лишь воплощая интерес Пины к «излучающему» танцовщику, четко и надежно, как вуппертальский монорельс, посылали со сцены и рассеивали в зале такое количество света, что порой казалось — замороженным залом дистанционно управляют. Но в этот раз настройщику хотелось верить безоголочно. Потому что театр наконец превратился в место силы.

Когда в финале танцовщики, выстроившись в бесконечную очередь, стали карабкаться на лепестковую гору, Голгофу надежд, амбиций и страстей, энергетический обмен с залом достиг точки кипения. Зритель, опьяненный активной трехчасовой цветотерапией, отмеривал собственные шаги на цветочную гору.

Слайд опаленного ночными огнями большого города (Гонконга, Москвы, Рима, Нью-Йорка) за их спинами только подтверждал догадку. Каждому предстоит Голгофа, но усыпать ее лепестками роз и гвоздик пока пришло в голову только Пине Бауш.

● Екатерина ВАСЕНИНА

P.S. Фотовыставка Владимира Луповского, посвященная Пине Бауш, проходит в Гете-Институте до конца января.

Голгофа предстоит каждому, но засыпать ее розами и гвоздиками догадалась только Пина Бауш

